

Ритм жизни балийца соотнобразуется с природой и с волей управляющих ею богов. Как бы многообразно он ни пронизывал все существование балийца, нигде этот ритм не проявляется так явственно и отчетливо, как в отношении к рису. Один человек, хорошо знающий Бали, сказал однажды: «Рис - это жизнь. Рис - это Бали. Он символизирует как земную жизнь, так и небесное блаженство».

Тот, кто видел балийца, имеющего дело с рисом - на поле, при сборе урожая, на празднике, во время приготовления риса, когда он изготавливает жертвоприношения из риса и когда возлагает их,- тот поймет, что отношение балийца к рису - это не просто отношение человека к своему главному продукту питания.

Рис воспринимается балийцем как нечто божественное, может быть как пуповина, которая в течение всей жизни соединяет человека с богами, а после его смерти остается пищей души. При многочисленных церемониях очищения души, во время ночных трапез живых с душами умерших также подают рис.

С момента высадки саженцев на поля до сбора урожая рис окружен заботой и вниманием. Поскольку это божественное растение - дар божественной земли, все фазы его роста сопровождаются магико-мистическими ритуалами, которым, как почти на всех балийских церемониях, кажется, нет начала и конца. Праздники сбора урожая и священное орошение полей после его сбора, органично сливаясь, ритмично сменяют друг друга. Рис, а также вода присутствуют на всех балийских праздниках и церемониях. Не та вода, которую выделяют полям товарищества по ее распределению, а прежде всего тиртха - святая вода, без которой, согласно балийской вере, ни одно поле не даст урожая, не взойдет ни одно растение.

Еще до того как окончательно будет определен ритм орошения полей для очередного посева, избранные мужчины отправляются по стране, чтобы из священных ключей или ручьев, соединенных со священным озером Батур, взять самой благословенной для полей святой воды и принести ее в храм риса, где ею с торжественными обрядами окропят алтарь. Затем часть святой воды по каплям распределяется на поля, чтобы таким образом использовать все возможности освящения. Вода, взятая из района озера Батур, считается тиртхой, дарящей воду богини этого озера, у которой, как говорят, существует прямая связь с дарящей плодородие богиней Сри.

Начало работ на рисовых полях устанавливается жрецами и звездочетами, потому что от этого, так же как от правильно найденной и распределенной святой воды, зависят успешное развитие растений и сбор урожая. Когда подходит нужный момент, самые крупные, отборные метелки риса последнего урожая кладут в предварительно политые водой посевные грядки для прорастания зерен, сопровождая эту процедуру молитвами и небольшими жертвоприношениями. Приблизительно через месяц, когда молодые растения достигнут 20 сантиметров, их группами по четыре-шесть саженцев аккуратно пересаживают в почву подготовленных заранее, залитых водой полей. Этой работе также предшествуют сложные ритуалы. Жертвоприношения должны быть приятны богине риса, ибо они призваны способствовать более быстрому росту молодого риса.

Гирлянды цветов и небольшие пирожные из риса, в которые втыкают курительные палочки, предназначены для остальных богов, так как от них также ожидается помощь. Демонам ада дарят пальмовое вино и рисовую водку. Однако, для того чтобы злые духи при этом чувствовали себя в полях не слишком вольготно, на краю поля поджигают

скорлупу кокосового ореха, чтобы после алкогольного угощения быстро прогнать дымом гостей из преисподней.

Замечательную картину являют собой поля с рисовыми саженцами, нежная, светлая зелень которых отражается в воде. Теперь поля регулярно очищаются и орошаются, до тех пор, пока рис не начинает цвести. Балиец говорит: «Богиня риса беременна».

В полях в это время ставят бамбуковые палки. Сверху они расщеплены, и в расщеп вставляется плетеная тарелка, над которой укрепляется покрытие из черного пальмового волокна. Тарелка предназначена для жертвоприношений богини риса, состоящих из тонких платков, благоухающих эссенций, фруктов, рисовых пирожных, завернутых в банановые листья. Сюда также приносят кушанья, которые особенно любят беременные женщины - соленые фрукты, фаршированный перец, крабы, сласти. В некоторых селах Бали свадьба богини риса отмечается как праздник. После нее - «ньепи», день отдыха, когда никто не должен выходить на рисовые поля. Вскоре после свадьбы Деви Сри цветы риса начинают блекнуть и зелень рисовых стеблей переходит в соперничающее по яркости с солнцем золото.

Теперь взор балийца с надеждой блуждает по полям и время от времени со страхом и мольбой поднимается к небу. Не угрожает ли непогода благословию Деви Сри? Снова и снова совершаются жертвоприношения на полях и в храмах с целью воспрепятствовать плохой погоде. Однако, чтобы урожай благополучно созрел и был убран, требуется вмешательство еще более мощных сил.

В деревнях у подножия горы богов Гунунг Агунга, в мире, который почти не тронули технический прогресс и туризм, по вечерам собираются семьи и молятся силам, которые могут помочь созреванию и сбору урожая.

Матери маленьких девочек сидят в своих лучших нарядах перед священнослужителем, который сжигает в котле дурманящие корни. Позади в набедренных повязках с черно-белым шашечным рисунком сидят отцы. Сами девочки, убранные как богини, движутся под нежные песни своих матерей в легком ритме танца, склоняются над дымом благовоний, вдыхая их пьянящий чад, постепенно приводящий в состояние транса, и в этом состоянии девочки продолжают танцевать. Нежные напевы женщин прерываются неистовыми выкриками мужчин. Танец переходит в судорожные, конвульсивные подергивания, начинается вихревой круговорот, который заканчивается полным изнеможением девочек. Без сил, они ложатся перед жрецом и лежат как мертвые в своих золотых, украшенных цветами вейках-коронах в роскошных шелковых нарядах.

Жрец обмахивает их веером. Матери осторожно поднимают своих дочерей. Медленно, еще не открывая глаз, девочки вновь вступают в ритм. Голова при этом неподражаемым образом лежит на плече, пальцы двигаются, как маленькие бабочки,- удивительная картина!

И опять звучат в ночи напевные мелодии женщин, припудривших свои лица рисовой мукой. Вместе с ароматом дорогих пряностей, которые возжигает священник, к небу каждый вечер поднимается их молящий, заклинающий напев. Он звучит как приглашение божественным феям завладеть телами маленьких девочек и пойти вместе с ними к храму, к реке, к полям, чтобы благословить всю местность и приумножить добрые силы, необходимые для хорошего урожая.

Богиня риса любит, когда небесные феи спускаются с небес на землю и на одну ночь завладевают нежными, грациозными телами маленьких балиек. И вся собравшаяся

деревенская община вне себя от счастья, когда происходит момент соединения и дрожь пронизывает тела девочек. Цель долгих ночных стараний теперь достигнута. Мир богов и мир людей чудесным образом соединились, принеся жителям деревни помощь.

Через пять месяцев начинает созревать рис. Поля оставляют сохнуть. Теперь необходимо устранить последние опасности. Они исходят в первую очередь от мышей и саранчи, которые часто уничтожали весь урожай перед самым его сбором. Чтобы удержать мышей и саранчу от их пагубных действий, их символически приглашают в деревню и развлекают танцами «сангхьянг».

В этих танцах человек также погружается в транс, чтобы принять обличье животных и таким образом войти в контакт с животным миром. Танцор надевает на себя панцирь из пальмового волокна. Сопровождаемый монотонным пением мужчин деревни, он бежит на четвереньках, изображая дикого кабана, под грубоватые шутки односельчан с хрюканьем съедает корм для свиней, а затем, все еще находясь в трансе, убегает в кустарник, где его окропляют святой водой и тем самым постепенно возвращают к нормальной жизни.

В сангхьянге выражается безудержная фантазия балийца. Во время больших празднеств, когда являются высочайшие боги, он - само воплощение религиозного благоговения. Теперь же, когда речь идет о сохранении его пищи, балиец становится символом раскованной природы, свирепым или смешным животным, поведение которого веселит публику.

Мужчины в состоянии транса имитируют повадки обезьян, прыгающих, качающихся на ветках, ищущих у себя блох, или лягушек, громким кваканьем заклинающих фауну деревенского пруда, и эхо многократно повторяет эти звуки.

Большой день в ритме риса, когда все опасности удалось благополучно миновать,- это день начала сбора урожая. Специально освященными маленькими бамбуковыми ножами нарезается «нини» - сноп из лучших метелок риса, содержащих по 80-100 зерен. Нини одновременно и семенной фонд для очередного посева, гарантия выживания. Тот, кому доверено принести нини с поля в деревню, считается в этот день неземным существом, ибо находится ближе к богам и добрым духам, нежели к своим односельчанам, которые, исполненные робкого восторга, смотрят ему вслед.

Обряды, связанные с ними, в разных деревнях различны. Однако много и общего. Например, везде одинаковы двери амбаров для хранения нини, которые украшены и увенчаны особыми навесами, используемыми только в торжественных случаях. Во многих деревнях жертвоприношения выставляются на высоких бамбуковых шестах, что подчеркивает особую значительность события. И в эти дни нередко можно встретить целые сопровождающие нини процессии, молча направляющиеся с полей в деревню, где их встречает жрец, чтобы окропить святой водой.

Об одной особенно впечатляющей встрече с нини рассказывает швейцарский художник Тео Майер, проживший на Бали более двадцати лет: «Однажды в Исе-хе я последовал за женщиной, которая с нини направлялась домой. Она шла медленно и торжественно. Никто не смел поздороваться или заговорить с ней, но всякий, кто встречался ей на пути, почтительно склонял голову. Перед входом в амбар сидел ее отец. Руки он держал сложенными у лба, приветствуя ее как богиню. Сын встретил ее по старому обычаю: Рату (повелительница.- Пер.), будь к нам милостива. Дай нам, пожалуйста, мерту (сущность жизни.- Пер.)". Держа между пальцами цветок, он также поднес сложенные руки ко лбу. Для духов было выплеснуто на землю пальмовое

вино. После этого дочь поставила священный нини в расписанную красками вазу для жертвоприношений. Для богов на столе разложили фрукты, рис, пирожные, жареных кур и поросенка на вертеле. Рядом с богиней риса возвышалась гора платочков из парчи, маленьких чашечек с духами, миниатюрных гребешков, пудры и цветов. Сын стал молиться: „Пожалуйста, возьми наш простой амбар и сделай его своим высоким троном!" Затем другой член семьи внес богиню риса в сарай и усадил ее на украшенное цветами место. Из пищи, предназначенной для жертвоприношений богам, был приготовлен праздничный обед. Мужчины налили себе из глиняного кувшина изрядное количество пальмового вина. Для девочек бабушка сварила освежающий напиток: в молоко зеленых кокосовых орехов она натерла мякоть фруктов и добавила размельченные семена, фрукты, перец и соль».

Обряды, связанные с нини, имеют такое же многообразие вариантов, как и все на Бали. Однако везде следуют общему традиционному порядку. На каждом празднике обряды состоят из магико-мистического действия, ритуальных жестов и диалогов, а также из простых, земных радостей, которые связаны с жертвоприношениями. Обычно жертвоприношения для богов, состоящие из сладостей, после того как они выполнили свои важные магические функции, в которых боги принимали личное участие, становятся особенно желанными и вкусными для людей.

После праздника начинается большая работа. Перед тем как мужчины отправятся на поля убирать урожай, они подстригают себе волосы. Те же мужчины, у которых есть беременная жена, волосы оставляют нетронутыми, чтобы уберечь от беды и жену, и ожидаемого ребенка.

Рано утром слышится призыв кулкула - бамбукового барабана. Его низкие звуки созывают всех жителей деревни - мужчин и женщин. Дома остаются лишь «нечистые» женщины. Веселые, в пестрых одеждах, в широкополых шляпах из пальмовых листьев или соломы, балийцы отправляются на поля. Каждый в правой руке несет небольшой нож для срезания колосьев, причем держит его так, чтобы пронести незаметно мимо богини риса.

Сегодня, как и тысячу лет назад, рис срезают пучками и связывают в снопы, которые потом, как огромные букеты цветов, подвешивают к коромыслам, и молодые люди быстро несут их домой, покачиваясь под тяжестью ноши.

Когда последнее поле деревни убрано и снопы внесены во дворы, где их некоторое время оставляют лежать под открытым небом для сушки, можно считать, что наиболее трудная, но в то же время и самая приятная часть работы половины года позади: ведь на Бали в большинстве местностей получают по два урожая в год.

Теперь село готовится к празднику урожая - «беман-тенану», который в разных местностях отмечают по-разному. Очень богатую и, возможно, в наибольшей степени уходящую корнями в традиции форму праздника наблюдал в восточнобалийской деревне Селат и подробно описал Тео Майер. Предоставим ему слово:

«В Селате поля расположены по направлениям частей света, и крестьяне-рисоводы в соответствии с этим делятся на четыре группы, называемые „питпит“; Существуют северо-западные, северо-восточные, юго-западные и юго-восточные группы. Четыре группы обеспечивают пищу свои семьи из относящихся к ним частей. Часть урожая предназначена храму.

Праздник урожая в Селате представляет собой церемонию, продолжающуюся четыре дня. Она начинается в четвертое полнолуние по балийскому календарю. В первый день

(„пенгамбуан") ранним утром барабан-кулкул созывает в храм всю деревню. Священнослужитель и старейшина деревни дают появившимся жителям необходимые распоряжения: северо-восточные питпиты должны украсить храмы пальмовыми листьями, северозападные - повесить к краям крыш вырезанные из пальмовых крон листья для защиты от обжигающих солнечных лучей, юго-восточные - разложить около храма плоские декоративные плетенки из бамбука и положить на них рисовые пирожные, юго-западные питпиты должны приготовить мясо для „бантена" (вид жертвоприношений) и священного пира в „бале агунге" (главном бале). Кроме четырех питпитов существует еще одно объединение - „секеха неруна" (союз молодых мужчин). Его члены - священнослужители. Под наблюдением жрецов в первый день праздника урожая они приносят инструменты священного оркестра - слун-динга. Однако предварительно священнослужитель рассказывает богу о предстоящих торжествах и приглашает его принять в них участие. Священные инструменты состоят из тяжелых железных пластин, а звуки извлекаются из них с помощью молотка. Издалека эта музыка кажется боем курантов. Во время праздника инструменты находятся в особом павильоне, носящем название „бале труна". Между инструментами можно видеть маленькую черную фигурку на деревянных носилках. Она закутана в красивые платки и окружена цветами. Кроме жреца, занимающегося ее украшением, никто не должен касаться этой фигурки. Именно в ней живет бог слун-динга - Батара Рату Багус Панде, величественный и прекрасный кузнец. Музыканты молодежного оркестра украшают инструменты цветами и окропляют их святой водой. При открытии церемонии звучат четыре разные мелодии.

Режут свинью, предназначенную для жертвоприношения. Немного мяса, жира и печени жарится на вертеле над слабо горящим древесным углем. Эти небольшие порции на пальмовых листьях кладут перед алтарями.

Танец барис-геде перед храмом Бесаких.

Одновременно землю поливают рисовой водкой и пальмовым вином. Храм постепенно заполняется жителями Селата и пяти примыкающих к нему деревень. «Драма деса» - объединение отцов села - собирается позднее в бале агунге. Все женщины приносят с собой рисовые пирожные и цветы. Они втыкают их в бамбуковые циновки алтарей и домов собраний. На некоторых рисовых пирожных нарисованы краской „сили" - изображения богини риса. Другие пирожные приготовлены из воздушного риса, который способствует тому, чтобы в урожае, собираемом в Селате, всегда были магические (крупные) соцветия риса. Жители Селата рубят свинину на мелкие кусочки, варят их и жарят на вертеле. Одним из главных блюд является „лавар" - своеобразный балий-ский бифштекс из сырого мяса. В бале агунге для каждого члена крамы деса подается одна порция на банановых листьях. Храм украшен, дымится рис, жертвоприношения переливаются яркими красками. Старейшины деревни зовут участников праздника к великому меру. Женщины приходят в своих лучших нагрудных и набедренных одеяниях. Мужчины втыкают в пояс крис. В полутьме можно различить украшенный трон бога пу-ра пусех - основателя и покровителя Селата. По обе стороны трона - священные зонты. Жрец приносит к открытым деревянным дверям меру плетенку из бамбука, на которой на свежих банановых листьях разложены рис, лавар, „сате" - сильно наперченные кусочки мяса, печени и сала, поджаренные на вертеле, кусочки жареной грудинки. Пальмовое вино и рисовую водку выносят в чашечках из листьев. Присутствующие опускаются на колени для молитвы. Эта молитва - и оказание почестей

богу, и просьба о милости. Бросив перед собой цветок, означающий приветствие богу, молящиеся подносят сложенные ко лбу руки. Жрец разносит святую воду и каждому льет на ладонь правой руки. Получивший воду трижды отпивает ее, а остатками увлажняет лицо и волосы. Человек делает жертвоприношение - бог дарит ему святую воду.

Жители Селата занимают в бале агунге свое место в соответствии с установленным порядком. Глава собрания обращается с короткой молитвой к богу, в которой просит защитить жителей деревни. Под особую мелодию слундинга бокалы из листьев-наполняются пальмовым вином. Напиток трижды с небольшими паузами выливается на землю, а остаток выпивается. Затем съедаются заранее разделенные на порции рис и мясо. При заходе солнца деревенский священнослужитель в присутствии всех старейшин и жителей деревни выкладывает жертвоприношения в строго определенном, магическом порядке. Они предназначены демонам. Для женщин и детей этим завершается первый день сбора урожая. Женщины забирают домой жертвоприношения - рис, пирожные, кур, уток - и дома готовят из всего этого праздничный обед семьям. В храме остаются лишь священнослужители и сторожа. Когда темнеет, раздаются удары кулула, приглашающего мужчин на „мекемит“;- встречу с богами. Мужчины стекаются со всех концов деревни, поют хоралы, пьют пальмовое вино и спят в храме у ног богов на принесенных с собой из дома циновках. Время от времени тишину прерывает мелодия. Инструменты могут звучать лишь во время храмовых праздников.

На второй день праздника урожая делается еще больше жертвоприношений богам, духам и демонам. Рано утром кулул сзывает население деревни на собрание, и, так же как накануне, четверем питпитам, обрабатывавшим рисовые поля, поручается выполнить особые задания. Накануне уже было определено, что должен принести с собой каждый: нож („голок“), который используется для размельчения мяса и приправ, кокосовый орех для священных кушаний и вязанку дров. Юго-восточные питпиты забивают „карбау“ (водяного буйвола). Оркестр играет при этом мелодию „кебо дункул“ (поверженный буйвол). Животное, приготовленное для жертвоприношения, убивают ударом копья в сердце. На его серой шкуре мелом заранее обозначают место, куда должен быть нанесен удар. Когда буйвол падает, звучит мелодия „миса гаганг“ (побежденный буйвол). Убой, варка и разделывание туши осуществляется в соответствии с правилами, передающимися из поколения в поколение. Союз орошения риса, к которому относятся почти все крестьяне из четырех питпитов, дарит для нового жертвоприношения свинью. Ее мясо, предназначенное для богини риса Деви Сри, доставляют из села в пура пусех и там готовят.

Приготовление ритуальных храмовых кушаний занимаются мужчины. В открытых залах, которые используются в качестве храмовой кухни, работают 60-70 поваров. Приправы, их дозировка точно определены и занесены в книги рецептов, сделанные из пальмовых листьев. На больших медных сковородах поджаривают лук, на толстых досках рубят мясо, над углями костра жарят огромные куски говядины. В рубленое мясо подмешивают тертые кокосовые орехи. Тут же рядом дымятся рагу и соусы. Во множестве каменных ступок толкут приправы. Посторонний человек может подумать, что находится в громадной аптеке.

Женщины могут лишь варить рис. Они варят его в храме и в своих домах под наблюдением священнослужителя и старейшины села. Мужчины посильней непрерывно подносят пальмовое вино в „бале патукан“ (павильон духов во дворе храма), где

его наливают в огромные старинные глиняные корыта. Духи убажуют себя вином, напиваются и потом не имеют сил отправиться в священные места.

Женщины и девушки сидят в тени под навесами и изготавливают из пальмовых или банановых листьев тарелки и чаши. Во время торжественных процессий богов окрестных храмов несут на позолоченных носилках в пура пусех, где каждый занимает свое исконное место. Барабаны и другие ударные инструменты исполняют бодрую маршевую музыку. В промежутках звучат хоралы. Затем священнослужитель и деревенский староста со своими помощниками начинают церемонию. Группа крестьян принимает богов из соседних деревень, поскольку они также были приглашены. Одни боги уже невидимо восседают на украшенных тронах, в украшенных молельнях или таятся в старых грамотах из тонкой листовой меди, другие еще прибывают верхом на искусно вырезанных драконах и крылатых львах. Все они окутаны воскурениями ладана. Это древние, тесно связанные со страной и народом божества - величественная и прекрасная богиня Бабакана - города, расположенного к западу от путеводной реки, прекрасная дочь, богиня деревень, находящихся к востоку от путеводной реки, божественная, величественная мать храма в Лусухе, божественный, величественный, прекрасный бойцовый петух из храма в Мунтике, величественный, могучий властелин горы Гунунг Агунг. Божественный, прекрасный кузнец со своими железными музыкальными инструментами уже занял место в слундинге и приветствует прибывающих богов музыкой. Жители села сидят на циновках и поют. Суэта в кухнях храма прекращается. Старейшины деревни собирают все жертвоприношения и готовят праздничный стол. Мужчины отправляются в купальню. Лишь некоторые из них остаются, чтобы присмотреть за жертвоприношениями. Около полудня в храме собирается вся община, и появляется богиня риса Деви Сри. Мужчина на голове выносит украшенный цветами трон, на котором восседают сплетенная из свежих пальмовых листьев богиня. Жрец с колокольчиком следует за несущим, а позади него идут все крестьяне деревни Селат со своими жертвоприношениями. Богиню риса ставят перед большой пагодой в пура пусехе и поклоняются ей.

Священнослужитель просит собравшихся богов быть милостивыми к людям. Присутствующие преподносят божествам жертвоприношения на увенчанных цветами тарелках из листьев. Потом они садятся на полу и молятся, сложив руки у лба. Тем временем в бале агунге подготовлена торжественная трапеза. Бамбуковая решетка отделяет бога от празднующих. На алтаре - жертвенное вино в старинных китайских фарфоровых чашках, обыкновенное кадило и сложенный белый платок. Рядом стоят два священных свернутых зонта. Присутствующие поклоняются богу святого порядка, хранителю религии. В его присутствии члены совета старейшин („крама пусех“) приступают к трапезе, составленной на основе древних предписаний. Пища укладывается в специальном порядке, образуя символическое древо жизни. Каждому блюду соответствует определенное название. Здесь же находится вода для очищения. После заключительного глотка пальмового вина из фигурной чашечки члены крама пусеха собирают свои вещи и отправляются домой.

Наутро наступает „пермиасан“ - третий день праздника урожая - день украшения. Задолго до восхода солнца один из старейшин деревни начинает бить в кул-кул. И снова народ спешит подготовить жертвоприношения.

Жители деревень Сукалуих, Тегех, Пересаны и Ше-буди, подвластных Селату, приносят пальмовое вино во двор храма. Жертвоприношения стоят перед богзми в

больших корзинах. Рату Сакти Пусеху принесена в жертву жаренная на вертеле утка, а его преемнику - семьсот маленьких тарелочек из листьев, наполненных рисом и приправами. Часть деревенского оркестра сопровождает богов, сидящих в позолоченных маленьких павильонах, к ритуальному купанию, поскольку и боги хотят освежиться и отдохнуть от сильной жары. Места, где восседают боги, закрыты от солнца образующими тень зонтами. Бог Слундинг со своими музыкальными инструментами отдыхает на крепких плечах членов молодежного союза. Приходит много народу, и женщины несут на голове подкрепляющие съестные жертвоприношения. Источник, в котором должны купаться боги, расположен приблизительно в трех километрах к северу от Селата. Меньше чем через двадцать минут процессия у цели, поскольку балийская процессия не имеет ничего общего с неторопливым шествием. Деревенский священнослужитель поет священные гимны. Он окропляет богов святой водой из источника. Оркестр играет „гендинг вали со-лас"; - одиннадцать традиционных мелодий, следующих одна за другой. После этого процессия возвращается обратно в деревенский храм Селата. Перед воротами храма небесных властителей ожидают большие жертвоприношения. После приветствия невидимые боги пролетают над жертвоприношениями и через специально для этого праздника оборудованные бамбуковые ворота направляются к подготовленным для них местам. Во дворе храма мужчины из облагаемых данью деревень устраивают танцевальные состязания в сопровождении слун-динга. Старейшины деревни торжественно льют пальмовое вино на землю. Члены двух питпитов проводят ночь в храме, развлекая собравшихся богов своими хоралами.

Заключительным аккордом четвертого дня и всего праздника урожая является „передханган"; (хоровод). Семьи деревни Селат с незамужними дочерьми выделяют одну из девушек для участия в хороводе. За несколько дней до праздника на определенном бревне храма наносится зарубка, устанавливающая минимальное число участниц. Боги хотят видеть этих девушек в древнем наряде, в поясной одежде из хлопка и шелковой нагрудной повязке. На каждой из красавиц - головной убор из пальмовых листьев, украшенный тысячами лепестков и цветами. Для этого требуется бесчисленное множество часов работы.

Желто-белые лепестки цветов плюмерии сменяются розовыми и желтыми цветами кувшинок. Темно-синие цветы создают цветочные пятна. От нагрудной повязки до бедер свисают шелковые ленты. Нить на конце ленты соединяется с мизинцем следующей девушки. Эти нити символизируют единство деревенской общины и не должны порваться во время танца. Девушки становятся в длинный ряд, более высокие - впереди. Перед хороводом выходят две пожилые женщины. Они показывают девушкам простые движения рук в танце „реджанг". Девушки начинают танцевать под приятную мелодию слундинга. Хоровод идет вдоль стен во дворе храма и трижды обходит храм. В заключение девушки направляются к своим отцам, которые разделены в храме на четыре группы в соответствии с четырьмя странами света. С красавиц снимают цветочные короны. После этого ангельского танца в лепестках и цветах поселяется небесная сила, и поэтому девушки хотят взять корону домой. Теперь, если эту корону повесить на ткацкий станок, на нем будет легче работать, и дело пойдет быстрее. Если корону бросить во дворе, она защитит кур от болезней.

Дочери четырех деревенских старост остаются перед меру в своих костюмах реджанга. Они имеют право присутствовать во время танца мужчин, завершающего

праздник урожая. Деревенские старосты и члены питпита крамы - деса берут листья кунжута и по две монеты. Другие члены четырех питпитов несут листья кунжута и по два банана. Они собираются в бале агунге. В ритме танца питпиты по очереди двигаются в восточном направлении. В заключение поющие жители деревни завершают четвертый и последний день праздника урожая обходом. Процессии вносят богов обратно в меру, и на следующее утро вместе с небольшим жертвоприношением происходит прощание с ними».

Сразу же после того как боги возвращаются в меру, а люди - в будничную обстановку домов, вновь начинается подготовка к следующему севу. Поля очищаются и обрабатываются обыкновенным деревянным плугом, в который впряжены волы. И опять делегация от деревни отправляется в путь за святой водой. Она поможет удачно провести сев и обеспечит ему защиту богов. И снова чувствуется ритм риса - существенная часть ритма балийской жизни.